

Станков (Stankov) и Объединенная организация Македонии «Илинден» (United Macedonian Organisation Ilinden) против Болгарии^[1]

Жалобы № 29221/95 и 29225/95

Постановление от 2 октября 2001 г.

По делу «Станков и Объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Э. Пальм, *Председателя Палаты,*

В. Томассен, Л. Феррари Браво, И. Касадеваля, Б. Цупанчича, Т. Панцыру, С. Ботучаровой, *судей,*

а также с участием М. О'Бойла, *Секретаря Секции Суда,*

заседая 17 октября 2000 года и 11 сентября 2001 года за закрытыми дверями, принял на последнем заседании следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобами (№№ 29221/95 и 29225/95), поданными в Европейскую Комиссию по правам человека против Республики Болгария Борисом Станковым (*Boris Stankov*) и Объединенной организацией Македонии «Илинден» (далее – заявители) в соответствии с бывшей статьей 25 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Жалобы были поданы 29 июля 1994 года. Дополнительные жалобы были поданы в различное время с 1994 по 1997 год^[2].

2. Заявители назначили в качестве своего представителя в Европейском Суде Йордана Костадинова Иванова (*Jordan Kostadinov Ivanov*), гражданина Болгарии из г. Сандански (*Sandanski*), который некоторое время являлся председателем ассоциации-заявителя. В июне 1998 года Иванов в свою очередь назначил Л. Хинкера (*L. Hincker*), адвоката из г. Страсбург (*Strasbourg*). Л. Хинкер впервые обратился в Европейский Суд 19 июня 1998 года, но не участвовал в разбирательстве до устных слушаний^[3].

Власти Болгарии были представлены своей Уполномоченной при Европейском Суде по правам человека Г.Самарас (*G. Samaras*), Министерство юстиции Болгарии.

3. Заявители жаловались на нарушение статьи 11 Конвенции в связи с отказом властей Болгарии в проведении их мемориальных собраний 31 июля 1994 года, 22 апреля и 30 июля 1995 года и 20 апреля и 2 августа 1997 года.

4. Объединив жалобы и объявив их 21 октября 1996 года частично неприемлемыми, 29 июня 1998 года Европейская Комиссия объявила оставшуюся часть жалобы приемлемой для рассмотрения по существу. Поскольку Европейская Комиссия не закончила рассмотрение дела до 1 ноября 1999 года, дело было передано в Европейский Суд в этот же день в соответствии с вторым предложением пункта 3 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции.

5. Жалоба была передана на рассмотрение в Первую секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). В рамках данной Секции была создана Палата в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

6. В письме от 9 мая 2000 года сторонам было предложено представить письменные доводы по существу дела до 30 июня 2000 года.

Письмом от 22 июня 2000 года заявители представили короткие письменные доводы по существу дела. Меморандум властей Болгарии был представлен 25 июля 2000 года.

7. Слушания по делу, первоначально назначенные на 12 сентября 2000 года, но отложенные по просьбе властей Болгарии, проходили в Дворце прав человека в Страсбурге 17 октября 2000 года (пункт 2 правила 59 Регламента).

В Европейский Суд явились:

а) от властей Болгарии:

Г. Самарас, *Уполномоченная Болгарии при Европейском Суде по правам человека*, Министерство юстиции Болгарии;

б) от заявителей:

Л. Хинкер, *адвокат (avocat)*,

М. Лемэтр (*M. Lemaitre*), *советник*.

Также присутствовал председатель ассоциации-заявителя Йордан Костадинов Иванов.

Европейский Суд заслушал обращения Л. Хинкера и Г. Самарас.

8. 24 октября 2000 года адвокат заявителей подал письменные доводы о требовании справедливой компенсации, заявленном на устных слушаниях по делу. Власти Болгарии дали свой ответ на них 29 декабря 2000 года.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. Объединенная организация Македонии «Илинден» (далее – ассоциация-заявитель или ассоциация «Илинден») является ассоциацией, находящейся в юго-восточной части Болгарии (в местности, известной как Пиринская область или географический район Пиринская Македония).

Борис Станков – гражданин Болгарии, 1926 года рождения, проживает в г. Петрич (*Petrich*).

В данное время он являлся председателем подразделения ассоциации-заявителя.

A. Предыстория дела

1. Основание и роспуск ассоциации-заявителя

10. Объединенная организация Македонии «Илинден» была основана 14 апреля 1990 года. Ее целью согласно ее уставу и программе являлось «объединение всех македонцев Болгарии на региональной и культурной основе» и установление «признания македонского национального меньшинства в Болгарии». Статьи 8 и 9 устава гласили, что организация не будет подрывать территориальную целостность Болгарии и «не будет использовать насилие, жестокие, бесчеловечные или незаконные способы».

Согласно доводам заявителей, предъявленным в Европейский Суд, основной деятельностью ассоциации-заявителя была организация празднований памятных исторических событий, важных для македонцев, проживающих в Болгарии. На протяжении некоторого времени ассоциация-заявитель издавала газету.

11. В 1990 году ассоциация «Илинден» подала документы на регистрацию, но ей было в этом отказано. В ходе разбирательства о регистрации Районный суд г. Благоевград (*Blagoevgrad*) и Верховный суд Болгарии изучили устав ассоциации, ее программу и другие письменные источники.

12. В своих решениях от июля и ноября 1990 года и марта 1991 года суды признавали, что цели ассоциации-заявителя были направлены против целостности нации, что она способствовала национальной и этнической вражде и что она является опасной для территориальной целостности Болгарии. Таким образом, ее регистрация противоречила бы статьям 3, 8 и части 3 статьи 52 Конституции Болгарии 1971 года, действовавшей в то

время. В частности, цели ассоциации включали в себя, *inter alia*, «политическое развитие Македонии» и создание «объединенного независимого македонского государства». Более того, в своей жалобе, поданной в Верховный суд, ассоциация заявила, что «македонский народ не приемлет болгарское, греческое или сербское правление». Формальное заявление устава ассоциации-заявителя о том, что она не посягает на территориальную целостность Болгарии, оказалось противоречащим остальным материалам.

13. Постановление Верховного суда Болгарии от 11 марта 1991 года гласит, *inter alia*:

«Низшие суды верно установили, что цели [ассоциации-заявителя] согласно ее уставу и программе направлены против единства нации... [Материалы дела] свидетельствуют о том, что [ассоциация-заявитель] стремится распространить идею македонизма среди населения Болгарии, особенно в определенных географических областях. [Эти идеи] предполагают «денационализацию» населения Болгарии и его превращение в население Македонии... Следовательно, цели [ассоциации-заявителя] направлены против единства нации и, таким образом, являются запрещенными частью 3 статьи 35 Конституции [1971 года]...»

14. Сторонами не оспаривалось, что в соответствующее время в ассоциации-заявителе произошла смена лидера, и что в ней происходил внутренний конфликт. Ее местные подразделения и отдельные группы имели различные взгляды и вели разную деятельность.

2. Митинги, проводившиеся до рассматриваемого периода

15. Ассоциация-заявитель в первый раз провела митинг 22 апреля 1990 года в Роженском монастыре (*Rozhen Monastery*) у памятника Яне Санданскому (*Yane Sandanski*).

16. 20 апреля 1991 года ассоциация-заявитель организовала памятный митинг в Роженском монастыре. Участники приняли декларацию, поданную президенту Болгарии и парламенту, в которой указывалось, *inter alia*:

«1. Наши права как меньшинства, которых мы были лишены, должны быть гарантированы нам в соответствии с международными соглашениями о национальных меньшинствах.

[Мы выдвигаем требования:]

2. Введение [изучения] македонского языка, истории и культуры Македонии во всех образовательных учреждениях Пиринской Македонии.

3. Право на радио- и телевизионное вещание на македонском языке... /.../

5. Нужно положить конец процессу ассимиляции и разрушения македонской культуры.

6. Право на издание литературы на македонском языке...

7....Чтобы Македонская церковь была независимой...

8. Чтобы все политические партии Болгарии на территории Пиринской Македонии были распущены или переименованы в македонские; они должны защищать национальные права народа Македонии.

/.../

14. Полная культурная, экономическая и политическая автономия Пиринской Македонии и вывод оккупационных войск Болгарии из Пиринской Македонии...

/.../

16. Если власти Болгарии не ответят положительно на наши требования, ассоциация «Илинден» обратится в Организацию Объединенных Наций, [Конференцию по] безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейский парламент, к Великим Державам в интересах сохранения мира на Балканах и в Европе в целях избежания военных конфликтов ввиду чрезвычайного национализма в Болгарии, Сербии, Греции и Албании, со следующими требованиями: аннулировать сепаратистский военный союз от 20 февраля 1912 года Болгарии, Сербии и Греции, вывести войска захватчиков с оккупированных

территорий,... способствовать объединению Македонии под руководством ООН и защитой Великих Наций...»

17. Согласно отчету полиции, составленному в 1998 году начальником полиции района и поданному в Европейский Суд властями Болгарии, на митингах 22 апреля 1990 года и 20 апреля 1991 года были сделаны «агрессивные антиболгарские заявления». В частности, 22 апреля 1990 года была зачитана декларация с требованием признания македонского меньшинства и его культурной автономии. В отчете не отмечены какие-либо инциденты, произошедшие на этом митинге.

Как объяснялось в отчете, 20 апреля 1991 года примерно 300—350 сторонников ассоциации «Илинден» собрались в ходе официального поминовения годовщины смерти Яне Санданского, на которое пришли около 4000 участников. Члены ассоциации «Илинден», стоя на отдельной платформе, предположительно, освистывали сотрудников полиции, называли болгар «варвары», «завоеватели» и «поработители» и призывали их покинуть и «освободить» регион от своего присутствия. В отчете далее указывалось, что произошел «шокирующий» инцидент: лицо известного политика Б. (В.) облили пивом. Предположительно, полиция предотвратила дальнейшие беспорядки. В отчете сделаны выводы:

«...Акции, организованные ассоциацией «Илинден», имели провокационный характер. Существовала реальная опасность возникновения инцидентов. По этим причинам с 1992 года муниципальные органы власти обычно отказывают в разрешении продолжения проведения таких акций. В целях защиты правопорядка обычно прибегают к помощи органов прокуратуры и полиции».

18. Заявители подали копии фотографий, письменные показания и заявления лиц, которые утверждали, что несколько раз с 1990 по 1994 год проводились действия со стороны полиции и частных лиц, препятствующие деятельности ассоциации-заявителя.

Они также представили копии газетных статей, в которых ассоциация «Илинден» обвинялась в оскорблении национальных символов Болгарии, ее лидеры описывались как необразованные, умственно больные и изменники, и отрицалось присутствие македонского национального меньшинства в Болгарии. Заявители утверждали, что эти статьи повлияли на общественное мнение Болгарии, которым, таким образом, манипулировали власти.

В. Запреты проведения митингов в рассматриваемый период

1. События июля 1994 года

19. В июле 1994 года Станков, будучи председателем подразделения в Петриче ассоциации-заявителя, запросил у мэра Петрича разрешение на проведение митинга в районе Самуиловой крепости (*Samuilov kreposi*) 31 июля 1994 года в память об одном историческом событии. 13 июля 1994 года мэр города в разрешении отказал, но причин отказа не привел. Ассоциация-заявитель обратилась в Районный суд Петрича, который оставил заявление без удовлетворения 16 июля 1994 года Районный суд признал, что поскольку ассоциация-заявитель была запрещена, существуют достаточные основания того, что демонстрация станет опасной для общественного порядка и прав и свобод других.

28 июля 1994 года Йордану Костадинову Иванову, представителю ассоциации-заявителя, и другому лицу прислали письменное предупреждение от полиции воздержаться от участия в официальной традиционной ярмарке в Самуиловой крепости. В предупреждении указывалось, что оно основано на применимых положениях права.

20. Несмотря на отказ властей, 31 июля 1994 года некоторые члены ассоциации-заявителя (по утверждению заявителей их было 120–150) попытались приблизиться к исторической части Самуиловой крепости, но силы полиции, которые, по словам заявителей, были хорошо вооружены, блокировали им путь.

По утверждению властей Болгарии, заявления о том, что местность была блокирована, являются «явно необоснованными».

2. События апреля 1995 года

21. 10 апреля 1995 года ассоциация-заявитель попросила мэра г. Сандански санкционировать проведение 22 апреля 1995 года митинга на могиле Яне Санданского в Роженском монастыре в память о восьмидесятилетней годовщине его смерти.

В проведении митинга было отказано 14 апреля 1995 года, поскольку ассоциация-заявитель не была надлежащим образом зарегистрирована. 15 апреля 1995 года ассоциация-заявитель обратилась в Районный суд Сандански, утверждая, *inter alia*, что народ Македонии лишен права на свою собственную культурную жизнь в нарушение международного права. Районный суд не рассматривал эту жалобу.

22. 22 апреля 1995 года муниципалитет Сандански принял решение о проведении официальной церемонии памяти годовщины смерти Яне Санданского. Церемония началась примерно в 10:00.

Заявители утверждали, что группе их сторонников, которые приехали в Роженский монастырь 22 апреля 1995 года, было приказано сотрудниками полиции оставить свои машины в горах Мельник (*Melnik*), находящемся неподалеку, и доехать до монастыря местным общественным транспортом. Там им позволили посетить могилу, возложить венок и зажечь свечи. Однако им не позволили принести с собой плакаты, щиты и музыкальные инструменты, которые они привезли, или произносить речи у могилы. Предположительно, полиция сняла ленточку с венка. Участники отметили событие без музыки возле монастыря, но вдали от могилы.

3. События июля 1995 года

23. В июле 1995 года, как и в предыдущий год, ассоциация-заявитель снова попросила санкционировать проведение памятного митинга 30 июля 1995 года в Самуиловой крепости, историческом месте вблизи Петрича. 14 июля 1995 года мэр Петрича отказал в просьбе, не указав причин. По жалобе ассоциации-заявителя отказ был утвержден постановлением Районного суда Петрича 18 июля 1995 года. Районный суд признал, что «проведение памятного митинга ассоциацией «Илинден» 30 июля 1995 года в Самуиловой крепости может представлять собой опасность для общественного порядка».

4. События апреля 1997 года

24. 8 апреля 1997 года ассоциация-заявитель проинформировала мэра г. Сандански и местную полицию, что она проведет митинг 20 апреля 1997 года в Роженском монастыре в память о годовщине смерти Яне Санданский. В письме мэру она указывала, что Яне Санданский, который в Болгарии считается болгарским национальным героем, в действительности был «македонским борцом за национальную независимость Македонии от турецкого господства и против болгарских угнетателей».

11 апреля 1997 года мэр отказался предоставить такое разрешение. Он указывал, что разрешение на проведение дня памяти по такому историческому событию было запрошено директором местной средней школы 4 апреля 1997 года. Далее мэр объяснил, что день памяти будет организован совместно школой и муниципалитетом и что «каждый может прийти лично».

25. 15 апреля 1997 года ассоциация «Илинден» подала жалобу в Районный суд г. Сандански на отказ мэра, утверждая, *inter alia*, что он не позволил ей организовать митинг на могиле их национального героя в качестве «отдельного этнического сообщества».

17 апреля 1997 года председатель Районного суда г. Сандански издал приказ, в котором содержался отказ в рассмотрении жалобы по существу, поскольку она была подана от имени незарегистрированной организации.

26. День, когда приказ был доведен до ассоциации-заявителя, не установлен. Заявители изначально отрицали, что получали ответ на их жалобу, но в более поздних доводах, представленных в Европейскую Комиссию, указывали, что 5 мая 1997 года они ознакомились с приказом от 17 апреля 1997 года.

27. Поскольку ошибки в жалобе не были исправлены в установленный законом срок семь дней, 5 мая 1997 года председатель Районного суда г. Сандански принял решение о прекращении рассмотрения жалобы. Это решение было доведено до ассоциации-заявителя 13 августа 1997 года.

28. Заявители утверждали, что 20 апреля 1997 года силы полиции не разрешили группе их сторонников приблизиться к Роженскому монастырю, а двое были подвергнуты жестокому обращению. Они утверждали, что 20 апреля 1997 года только 13 учеников и двое учителей из местной средней школы пришли в Роженский монастырь. Ученики возложили венок в присутствии полиции и ушли две минуты спустя.

5. События июля и августа 1997 года

29. 14 июля 1997 года Станков, будучи председателем подразделения ассоциации в Петриче, запросил разрешение на проведение памятного митинга 2 августа 1997 года в Самуиловой крепости в пригороде Петрича. 17 июля 1997 года мэр отказал в этой просьбе, отметив, что ассоциация-заявитель не является «законной организацией».

30. 20 июля 1997 года ассоциация-заявитель обжаловала в Районном суде Петрича отказ мэра, утверждая, *inter alia*, что нет положения закона, запрещающего проведение митингов организациями, которые не являются «законными», и что планируемая общественная акция будет мирной и не будет представлять угрозы общественному порядку.

Решением от 1 августа 1997 года Районный суд Петрича отклонил жалобу по существу. Он установил, что ассоциация-заявитель не была надлежащим образом зарегистрирована «в соответствии с законодательством государства» и что не доказано, что лица, действовавшие от ее имени, действительно ее представляли. В результате было неясно, кто организовывал акцию и кто был бы ответствен за поддержание порядка во время митинга согласно статьям 9 и 10 Закона о порядке проведения митингов и шествий. Районный суд пришел к выводу, что неясность относительно организаторов акции представляет собой угрозу общественному порядку и правам и свободам других.

31. Заявители утверждали, что 2 августа 1997 года полиция не позволила группе сторонников ассоциации-заявителя посетить историческое место вблизи Петрича.

С. Другие доказательства, касающиеся целей и деятельности ассоциации-заявителя и ее сторонников

32. Стороны представили доводы и копии документов, касающихся деятельности ассоциации-заявителя.

Оказалось, что некоторые документы, на которые ссылались власти Болгарии, касаются утверждений лиц, принадлежащих к фракциям или подразделениям ассоциации-заявителя. Эти группы явно расходятся в своих взглядах и деятельности.

33. Власти Болгарии ссылались на декларацию от 20 апреля 1991 года^[4], на отчет полиции относительно митингов, состоявшихся в 1990 и 1991 годах^[5] и на иные материалы.

Власти Болгарии отмечали, что в ходе митингов, в письмах в различные органы и заявлениях в средствах массовой информации лица, состоящие членами ассоциации-заявителя, и ее сторонники заявляли, что они желают, чтобы болгары покинули

Пиринскую Македонию, и утверждали, что «не может быть мира на Балканах до тех пор, пока болгары, греки и все остальные не признают национальные права македонского народа, и ни в одном балканском государстве не будет демократии без этого признания».

34. Власти Болгарии представили копии нескольких выпусков изданий «Вестник за Македонците в Балгария и по света» (*Вестник за Македонците в Балгария и по света*) и «Македонска пошта» (*Македонска пошта*), памфлеты, опубликованные одной из фракций, связанных с ассоциацией-заявителем, и копии материалов прессы. Они содержат информацию, *inter alia*, о «секретном» закрытом собрании одной из фракций ассоциации-заявителя, состоявшемся 28 сентября 1997 года. Предположительно, на собрании было объявлено, что 10 августа 1998 г. Пиринская Македония станет «политически, экономически и культурно автономной» или независимой. Это должно было случиться, поскольку в этот день, спустя 85 лет после Бухарестского договора 1913 года, его Договаривающиеся Стороны, предположительно, должны были уйти с «порабощенных» македонских территорий.

Издание «Македонска пошта» далее призывало всех македонцев принять участие в процессии в г. София (*Sofia*) 3 августа 1998 года. В призыве говорилось, что участники не должны иметь при себе оружие.

35. Рукописный плакат, предположительно, сделанный последователями ассоциации-заявителя в Петриче, призывал к бойкоту парламентских выборов 1994 года, чтобы «предотвратить установление законных болгарских властей» в Пиринской Македонии. Далее в документе содержался призыв к созданию единого македонского государства и к вмешательству Совета Безопасности ООН «по модели Гренады, Кувейта и Гаити».

36. В призыве к бойкоту выборов 1997 года указывалось, что македонцам следует воздержаться от голосования в знак протеста против непризнания их прав как национального меньшинства.

37. В обращении, опубликованном в прессе в Бывшей Югославской Республике Македонии (далее – Македония), лидеры фракции, являющейся частью ассоциации-заявителя, критиковали власти Болгарии ввиду их отказа признать македонский язык и македонское национальное меньшинство в Болгарии и обратились к различным международным организациям с просьбой оказать давление на власти Болгарии в связи с этим.

38. Власти Болгарии предоставили копию «меморандума» от 1 июля 1997 года, направленного в ООН, подписанного активистами ассоциации-заявителя или ее фракции. В нем содержалось краткое обозрение исторических событий, жалобы на обращение властей Болгарии и следующие основные требования: общие права национального меньшинства, доступ к государственным архивам Болгарии, возвращение конфискованных материалов, пересмотр истории Болгарии, пересмотр международных договоров 1912 и 1913 годов, роспуск «политической полиции», роспуск националистических и воинственных партий и организаций, регистрация ассоциации «Илинден» в качестве законной организации македонцев в Болгарии, ведение радиотрансляций на македонском языке, проведение расследований нарушений, совершенных против македонцев, и предоставление экономической помощи.

В обращении также указывалось:

«... Осознавая нынешние экономические и политические реалии на Балканах, в Европе и в мире, мы не действуем путем конфронтации, давления или насилия. Наш путь по получению пользования нашими правами как македонского национального меньшинства в Болгарии и в Пиринской Македонии, где находятся наши этнические и исторические корни, – это путь мирных способов и переговоров...

Наши мирные и законные средства... – в пользу властей, которые... отрицают наличие македонского национального меньшинства. Наши демократические способы – против нас: власти могут позволить себе использование политического, экономического и психологического давления и применение оружия».

39. В Европейском Суде власти Болгарии ссылались на постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 года по делу, касающемуся конституционности политической партии Объединенная организация Македонии «Илинден-Пирин» (*УМОПИРИН*) (далее – партия «УМОПИРИН»): партии экономического развития и интеграции населения, зарегистрированной компетентными органами в 1999 году. Конституционный суд признал, что цели партии направлены против территориальной целостности государства, и, таким образом, партия является неконституционной.

40. Конституционный суд отметил, что партия «УМОПИРИН» должна рассматриваться в качестве правопреемника или последователя ассоциации-заявителя. На этом основании Конституционный суд широко ссылался на историю и деятельность ассоциации-заявителя при разрешении вопроса о том, являлась ли партия «УМОПИРИН» конституционной.

В частности, Конституционный суд принял во внимание требования, сделанные в декларации ассоциации-заявителя в 1991 году^[6]. Он также считал, что карты региона, отображающие в качестве части Македонии территории Болгарии и Греции, были опубликованы ассоциацией-заявителем и что продолжались призывы к созданию автономии и даже к отделению. Конституционный суд далее отметил, что представители ассоциации-заявителя сделали агрессивные замечания в адрес болгарской нации.

41. Таким образом, Конституционный суд признал, что ассоциация-заявитель и партия «УМОПИРИН» рассматривали регион Пирин в качестве территории, находящейся лишь под временным контролем Болгарии, который скоро должен стать независимым. Их деятельность, таким образом, была направлена против территориальной целостности государства и запрещена как таковая пунктом 2 статьи 44 Конституции Болгарии 1991 года. Запрет соответствует пункту 2 статьи 11 Конвенции, и нет сомнений, что деятельность против территориальной целостности государства представляет собой угрозу национальной безопасности.

Постановление было принято девятью голосами против трех. Судьи, голосовавшие против, изложили свои особые мнения, которые не были опубликованы.

D. Доказательства, представленные властями Болгарии в подкрепление их утверждения о том, что некоторые члены ассоциации-заявителя владели оружием

42. В подкрепление этих утверждений власти Болгарии представили копии двух документов.

43. Первый – является копией статьи из ежедневной газеты «Континент» (*Континент*) от 1–2 марта 1997 года. В газете сообщалось, что Д.П.К. (*D.P.K.*) был арестован в Петриче за угрозы в адрес сотрудников полиции взорвать их дома, поскольку они мешали ведению его бизнеса. В ходе ареста полиция, предположительно, обнаружила взрывчатые вещества в доме Д.П.К. Далее в короткой публикации говорилось, что Д.П.К. был, предположительно, лидером ассоциации «Илинден» и «македонским активистом».

44. Второй довод представляет собой фотокопию листовки, в которой говорилось о создании организации и содержалось приглашение всем желающим вступить в нее. На документе нет подписи. Предположительно, она датирована 1995 годом, и кажется, что она напечатана на машинке.

В листовке объяснялось, что только что созданная Объединенная организация Македонии «Нова» (*Нова*) не желает заменить ассоциацию «Илинден». В ней критиковались некоторые лидеры ассоциации-заявителя.

Далее в листовке говорилось, что новая организация сформирует военизированные группы, чтобы «помочь выжить Республике Македония».

45. Власти Болгарии не представили каких-либо комментариев или дополнительной информации о содержании двух поданных ими документов.

46. В ходе слушаний в Европейском Суде в ответ на вопрос, поставленный перед ними, Уполномоченная Болгарии проинформировала Европейский Суд, что против членом ассоциации-заявителя уголовное разбирательство по фактам настоящего дела никогда не возбуждалось.

Е. Краткое изложение властями Болгарии исторического контекста

47. Власти Болгарии подчеркнули, что информация об историческом контексте и текущей ситуации в Болгарии и на Балканах существенна для понимания данного дела. Их объяснения можно кратко изложить следующим образом:

«Исторически болгарская нация сформировалась из различных географических регионов, один из которых был географическим районом Македонии. В 1878 году, когда Болгария частично освободилась от турецкого господства, Берлинский мирный договор оставил регион Македонию в границах Турции.

С 1878 по 1913 год болгарское население Македонии организовало пять безуспешных восстаний, чтобы освободиться от турецкого правления и объединиться с Болгарией. После этого произошла массовая миграция из этого региона в Болгарию. Сотни тысяч македонских болгар поселились в Болгарии.

В 1934 году так называемый «македонский народ» был впервые объявлен в резолюции Коммунистического Интернационала. До этого в данном регионе ни один достоверный исторический источник не упоминает никакой другой славянский народ, кроме как болгар. После Второй Мировой войны коммунистическая власть в Югославии объявила концепцию отдельного македонского народа. Были созданы отдельный язык и алфавит, которые были введены Декретом от 2 августа 1944 года. Массовая кампания ассимиляции, сопровождавшаяся жестокостью, была проведена в Югославии. Некоторое время Коммунистическая партия Болгарии – воодушевленная идеей создания Болгаро-югославской федерации – также инициировала кампанию по насильственному насаждению «македонской» национальности населению региона Пиринская Македония. В 1946 и 1956 годах была проведена перепись населения в данном регионе, чтобы объявить это население «македонцами». Кампания была прекращена в 1963 году, частично в связи с отказом населения менять свою национальность.

В тех частях географического региона Македонии, которые входили в Югославию, реалии биполярного мира времен «холодной войны» – когда отношения между Югославией и социалистическим блоком во главе с СССР были напряженными – обостряли ощущения безнадежности и озлобленности населения и их страха, что объединение с Болгарией никогда не станет возможным. Насильственное установление македонской национальности режимом Тито также сыграло решающую роль.

Таким образом, даже если процесс формирования нового народа имел место, он был ограничен территорией бывшей Югославской Республики Македония.

В ходе переписи населения 1992 года только 3019 граждан Болгарии указали свою национальность как македонскую и македонский в качестве их родного языка. Другие 7784 отметили, что являются македонцами в географическом смысле, но указали свое болгарское национальное сознание и болгарский в качестве родного языка.

Лица, считающие себя македонцами, вовсе не притесняются в Болгарии. Они имеют собственную культурную и образовательную организацию «Светлина» (*Светлина*). Существуют книги и газеты на «македонском языке».

II. Применимое национальное законодательство

48. Положения Конституции Болгарии от июля 1991 года относительно свободы собраний устанавливают следующее:

«Статья 43

1. Граждане имеют право собираться мирно и без оружия на собрания и манифестации.
2. Порядок организации и проведение собраний и манифестаций определяются законом.
3. Для собраний в закрытых помещениях разрешения не требуется».

Пункт 2 статьи 44

«Запрещаются организации, чья деятельность направлена против суверенитета, территориальной целостности страны и единства нации, к разжиганию расовой, национальной, этнической или религиозной вражды, к нарушению прав и свобод граждан, как и организации, которые создают тайные или военизированные структуры или стремятся достичь своих целей насильственным путем»^[7].

49. Правовые требования к проведению митингов установлены в Законе о порядке проведения митингов и шествий 1990 года. Его применимые положения устанавливают следующее:

«Статья 2

Митинги и шествия могут быть организованы частными лицами, ассоциациями, политическими и иными общественными организациями».

Часть 2 статьи 6

«(2) Каждый организатор или участник [шествия или митинга] несет ответственность за ущерб, причиненный в результате его ошибок в ходе [акции]».

Часть 1 статьи 8

«Если митинг проводится на улице, организаторы должны уведомить в письменном виде Народный Совет или мэрию не позднее чем за 48 часов до начала [митинга] и обязаны указать [имена] организаторов, цель [митинга] и место и время его проведения».

Часть 1 статьи 9

«Организаторы митинга должны принять все меры, необходимые для обеспечения поддержания порядка в ходе акции».

«Статья 10

(1) Митинг должен возглавлять председатель.

(2) Участники должны соблюдать инструкции председателя относительно соблюдения общественного порядка...»

50. Запрет на проведение митингов также регламентируется Законом о порядке проведения митингов и шествий:

«Статья 12

(1) Если время или место проведения митинга или маршрут шествия создают ситуацию, угрожающую общественному порядку или безопасности дорожного движения, председатель Исполнительного Комитета Народного Совета или мэр соответственно предлагают варианты их изменения.

(2) Председатель Исполнительного Комитета Народного Совета или мэр имеют право запретить проведение митинга, демонстрации или шествия, если есть достоверная информация, что:

1) мероприятие направлено на насильственную смену конституционного порядка или против территориальной целостности страны;

2) мероприятие представляет собой опасность для правопорядка в местном сообществе;

/.../

4) мероприятие нарушает права и свободы других лиц.

(3) Запрет налагается в письменной форме с приведением обоснования в срок не позднее чем через 24 часа после уведомления.

(4) Организатор митинга, демонстрации или шествия может обжаловать запрет в Исполнительный Комитет Народного Совета в порядке, предусмотренном в следующих пунктах. Исполнительный Комитет принимает решение в течение 24 часов.

(5) Если Исполнительный Комитет Народного Совета не принял решения в установленный срок, шествие, демонстрация или митинг могут проводиться.

(6) Если жалоба оставлена без удовлетворения, спор должен быть передан в соответствующий районный суд, который должен вынести решение в течение пяти дней. Решение суда является окончательным».

51. Закон о порядке проведения митингов и шествий был принят в 1990 году, когда действовала Конституция Болгарии 1971 года. Согласно Конституции 1971 года местными органами исполнительной власти являлись исполнительные комитеты районных народных советов. Мэрами, на которых имеются ссылки в некоторых положениях Закона о порядке проведения митингов и шествий, являлись представителями исполнительных комитетов, действовавших в деревнях и городах, которые находились под юрисдикцией соответствующих народных советов.

Конституция Болгарии 1991 года отменила институт исполнительных комитетов и ввела пост мэра (кмета), избираемого прямым всеобщим голосованием в качестве «органа исполнительной власти муниципалитета» (статья 139 Конституции Болгарии).

ПРАВО

I. Предварительные возражения властей Болгарии

52. Власти Болгарии напомнили и расширили в свете последних изменений свои возражения, сделанные на стадии рассмотрения приемлемости жалобы. Они считали, что определенные расхождения в утверждениях заявителей в различных органах власти показывают, что в жалобе имеют место злоупотребления институтом защиты их прав. Власти Болгарии далее утверждали, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, а жалобы являются явно необоснованными.

Комментируя решение Европейской Комиссии о *locus standi* ассоциации «Илинден», власти Болгарии, не оспаривая в своем меморандуме вывод Европейской Комиссии, утверждали, что судебные решения 1990 и 1991 годов^[8] имели правовое значение запрета деятельности «Илинден» как ассоциации и как группы лиц. На устных слушаниях Уполномоченная Болгарии попросила Европейский Суд признать на этих основаниях, что ассоциация-заявитель не имела *locus standi*.

Статус Станкова не имеет никакого отношения к данному вопросу. Однако власти Болгарии считали, что он не был надлежащим образом представлен в Европейском Суде, поскольку не давал полномочий своему представителю Иванову делегировать свои права Хинкеру, который – более того – упоминал ассоциацию «Илинден» лишь в своем письме в Европейский Суд, указывая свое участие в разбирательстве в качестве адвоката. Далее власти Болгарии поставили под вопрос, впервые в своих доводах по статье 41 Конвенции, легитимность полномочий Хинкера по представлению ассоциации-заявителя, в то время как не было принято общее решение членом ассоциации, разрешающее Иванову делегировать свои права другому лицу.

53. Заявители предложили Европейскому Суду вынести решение по существу дела.

54. Европейский Суд напомнил, что согласно Конвенционной системе, действующей после 1 ноября 1998 года, если власти государства-ответчика повторяют свои возражения, представленные и рассмотренные на стадии приемлемости жалобы, его задачей является установление того, существуют ли особые обстоятельства, делающие необходимым повторное рассмотрение вопросов о приемлемости^[9].

Положения пункта 4 статьи 35 *in fine* Конвенции, позволяющие Европейскому Суду объявлять жалобу неприемлемой на любой стадии разбирательства, не означают, что

государство-ответчик может поставить вопрос о приемлемости жалобы на любой стадии разбирательства, если он мог быть поставлен раньше^[10], или напомнить, что они уже были отклонены.

55. Верно, что, в отличие от дел «Беликова против Болгарии» и «Базич против Австрии», в настоящем деле вопросы о приемлемости жалобы рассматривались Европейской Комиссией до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, а не Европейским Судом. Тем не менее, Европейский Суд считал, что согласно пункту 3 статьи 35 *in fine* Конвенции жалобы, объявленные приемлемыми Европейской Комиссией и переданные в Европейский Суд до того, как Европейская Комиссия завершила их изучение, должны считаться «приемлемыми». Постановление Палаты в таких делах не является окончательным и подлежит применению в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции.

Таким образом, Европейский Суд установил, что в делах по пункту 3 статьи 5 *in fine* Протокола № 11 к Конвенции вопросы приемлемости могут быть снова поставлены, если имеются особые обстоятельства, требующие подобного пересмотра.

56. В настоящем деле власти Болгарии особо напомнили свои возражения о приемлемости жалобы, которые были уже рассмотрены и отклонены Европейской Комиссией в ее решении от 29 июня 1998 года.

57. Европейский Суд отметил, что Европейская Комиссия подробно рассмотрела доводы властей Болгарии и дала полное обоснование своего Решения. Тщательно изучив доводы властей Болгарии, включая их комментарии в свете недавних изменений, Европейский Суд решил, что в деле отсутствуют новые элементы, которые бы стали основанием для пересмотра вопросов приемлемости жалобы.

Относительно представительства Станкова в Европейском Суде заявитель убежден на основании доверенности, подписанной им и Ивановым^[11], что он должным образом представлен. Наконец, Европейский Суд не усмотрел ничего такого, что могло бы поставить под сомнение полномочия Хинкера по представлению ассоциации «Илинден». Европейский Суд оставил открытым вопрос о том, потеряли ли власти Болгарии право поднимать этот вопрос после представления своих доводов по статье 41 Конвенции.

Таким образом, предварительные возражения властей Болгарии должны быть отклонены.

II. Объем дела

58. Власти Болгарии ссылались на доказательства, которые прямо не касались памятных митингов от 31 июля 1994 года, 22 апреля и 30 июля 1995 года и 20 апреля и 2 августа 1997 года. Они утверждали, что запрет на проведение митингов в эти дни должен рассматриваться как предыстория других событий – имевших место до и после этих митингов – вся эта информация о деятельности ассоциации-заявителя и других связанных с ней организаций и лиц должна приниматься во внимание. Власти Болгарии передали обширную информацию о событиях с 1990 по 1993 год, а также об изменениях, произошедших после принятия Европейской Комиссией Окончательного решения о приемлемости жалобы от 29 июня 1998 года.

Заявители также ссылались на доказательства относительно событий, не входящих *rationes temporis* или *ratione materiae* в объем дела, тем не менее оспаривая приемлемость некоторых материалов, представленных властями Болгарии.

59. Европейский Суд напомнил, что решение о приемлемости определяет границы рассматриваемого дела. Следовательно, его задачей не является вынесение решения по жалобам о событиях, происходивших с 1990 по 1993 год (объявленным неприемлемыми Европейской Комиссией). Он также не должен выражать свое мнение в своем постановлении, соответствовали ли запрет на проведение митингов в 1998, 1999 и 2000 годах или постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 года

положениям Конвенции (эти вопросы были подняты в других жалобах, рассматриваемых Европейским Судом: №№ 44079/98, 59489/00 и 59491/00).

Объем данного дела ограничен жалобами заявителей на то, что власти запретили проведение их митингов от 31 июля 1994 года, 22 апреля и 30 июля 1995 года и 20 апреля и 2 августа 1997 года. Европейский Суд примет во внимание доказательства, касающиеся других событий, насколько это может соотноситься с настоящим делом.

III. Предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции

60. Заявители жаловались на нарушение статьи 11 Конвенции, которая в применимых частях устанавливает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...»

A. Доводы сторон

1. Заявители

61. Заявители утверждали, что запрет на проведение митингов, организуемых ими в память о некоторых исторических событиях, и отношение властей в разное время были направлены на подавление свободного выражения идей мирного собрания. Как таковые они являются вмешательством в их права по статье 11 Конвенции, предусмотренные в качестве *lex specialis* в отношении статьи 10 Конвенции.

62. Они утверждали, что вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку отсутствие регистрации их ассоциации, на которое ссылались мэры, не является основанием для запрета проведения демонстраций согласно статье 12 Закона о порядке проведения митингов и шествий.

63. Более того, они отклонили как необоснованные утверждения властей Болгарии, что собрания, организуемые ими, представляют собой угрозу. Собрания были исключительно мирными: их цель была отметить исторические события, считающиеся важной частью истории македонского народа. Собрания, которые обычно длились три часа, всегда начинались с речей, а затем зачитывались стихи, игралась музыка, пелись песни.

64. Заявители далее поставили под вопрос законность целей, преследуемых в результате запрета, и его обоснования.

Целью властей – по мнению заявителей – было подавление распространения идеи о том, что македонское национальное меньшинство существует в Болгарии. По всей видимости, верно то, что большинство населения Болгарии считает, что в их стране не существует македонского национального меньшинства и что демонстрация идей заявителей могла шокировать и представлять собой угрозу этому большинству. Однако в плюралистическом демократическом обществе важно позволить национальным меньшинствам свободно выражать свои идеи, и власти были обязаны обеспечить заявителям право на проведение мирных демонстраций.

65. Они далее утверждали, что запреты, на которые они жаловались, хотя и ограниченные конкретными историческими местами и конкретными датами, в действительности являются запретом проведения ассоциацией-заявителем митингов, поскольку ей не было разрешено проведение ни одного митинга. Такой абсолютный запрет был несоразмерным.

Ничто в материалах, представленных властями Болгарии, не приводит к выводу о том, что заявители желали отделиться от Болгарии. Даже если были какие-то подозрения в связи с этим, общий запрет на проведение празднований является несоразмерной реакцией.

2. Власти Болгарии

66. Власти Болгарии поставили под сомнение желание заявителей проводить «мирные» демонстрации, поскольку, предположительно, имеются доказательства того, что некоторые члены организации были вооружены. В связи с этим была сделана ссылка на два представленных ими документа^[12]. Они также ссылались на доказательства, предположительно, свидетельствующие о том, что с 1990 года митинги ассоциации «Илинден» всегда отмечались конфликтами и столкновениями, как словесными, так и физическими, между сторонниками ассоциации и другими лицами. Это было неизбежно, поскольку на таких митингах делались провокационные антиболгарские заявления и использовались угрозы.

67. Далее власти Болгарии подчеркнули, что членам ассоциации-заявителя никогда не препятствовали в посещении данных исторических мест при условии, что они не будут проносить с собой плакаты и иные предметы, содержащие угрозы против единства нации, территориальной целостности страны или прав других лиц. Таким образом, свобода на собрания заявителей была соблюдена.

68. Если считать, что имело место вмешательство в права заявителей по статье 11 Конвенции, такое вмешательство было законным и основано на четких положениях Конституции Болгарии и Закона о порядке проведения митингов и шествий.

Власти Болгарии не согласились с утверждением заявителей, что причины запрета постоянно менялись – таким образом, предположительно, раскрывая отсутствие четкого правового обоснования. Причиной всех запретов неизменно была антиконституционная деятельность и заявления ассоциации-заявителя (которые, предположительно, угрожали территориальной целостности страны и национальной безопасности) и опасность инцидентов, угрожающих общественному порядку.

69. Ссылаясь на постановления Верховного суда Болгарии 1990 и 1991 годов^[13] и постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 года^[14], власти Болгарии указывали, что ассоциация-заявитель была распущена, поскольку было установлено, что ее деятельность угрожает территориальной целостности страны и является антиконституционной. «Достоверная информация» о том, что собрание может быть направлено против территориальной целостности страны, являлась достаточным основанием для запрета собрания согласно пункту 2 статьи 12 Закона о порядке проведения митингов и шествий^[15].

В постановлениях о роспуске ассоциации «Илинден» содержится достаточно информации в связи с этим. В то время как незарегистрированная организация, несомненно, может организовывать митинги, деятельность ассоциации-заявителя была запрещена. Ссылка властей в их решениях о запрете проведения митингов на тот факт, что ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, соответствовала закону.

70. К тому же, обжалуемые меры преследовали ряд законных целей: защиту национальной безопасности и территориальной целостности, защиту прав и свобод других лиц, обеспечение общественного порядка в общине и предотвращение беспорядков и преступлений.

71. По мнению властей Болгарии, ассоциация «Илинден» нарушила права и свободы других лиц, поскольку она стремилась создать македонскую нацию среди людей, принадлежащих к болгарской нации, и требовала установления македонской национальности и создания органов власти в Пирине взамен болгарских. Небольшое число сторонников этих идей – примерно 3000 человек в регионе с населением примерно 360 000 человек – полагают, что вправе говорить от имени всех людей.

Наиболее важно, что ассоциация-заявитель является сепаратистской группой, которая стремится к отделению области Пирин от Болгарии. Она представляет собой прямую угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны.

72. Ссылаясь на историческое и современное положение в Болгарии и на Балканах^[16], власти Болгарии утверждали, что упорство ассоциации-заявителя в дифференциации и «коллективных правах», несмотря на тот факт, что каждый в Болгарии пользуется полным объемом прав и свобод, включая культурные и политические права, показывает, что ее подлинной целью является насаждение среди болгарского населения чужой национальной принадлежности.

Даже если македонское национальное меньшинство присутствует в Болгарии – продолжили власти Болгарии, – способы и средства пропаганды, используемые ассоциацией «Илинден», направлены не на защиту прав меньшинства, но на превращение болгарского населения в македонское и отделение области от страны.

73. В контексте сложного перехода от тоталитарных режимов к демократии, принимая во внимание сопутствующие экономический и политический кризисы, напряженность между проживающими вместе общинами, существующими в регионе, была особо взрывоопасной. События в бывшей Югославии являются примером тому. Пропаганда сепаратизма в этих условиях четко прослеживается властями Болгарии как угроза национальной безопасности и миру в регионе.

Более того, национальные власти находятся в лучшем положении при оценке этой опасности. Можно предположить, что одни и те же факты могут иметь разные последствия в разных странах, в зависимости от ситуации. Факты по данному делу должны рассматриваться, однако, в общем контексте сложной ситуации в регионе.

74. Время и место, выбранные ассоциацией-заявителем для проведения ее регулярных митингов, были неподходящими. Они совпадали с традиционными посещаемыми большим количеством людей церемониями и ярмарками, памятными событиями исторической важности, которые затрагивают деликатные вопросы. Провокационное отношение ассоциации-заявителя повлекло инциденты в прошлом и вызвало очень негативную реакцию у населения. Таким образом, власти приняли практику не давать разрешения на проведение митингов ассоциацией «Илинден» в то же время и в том же месте, где проходят официальные празднования.

Ссылаясь на решения Европейской Комиссии по жалобе № 8191/78 («Рассамблеман Жюрассиан» и «Юните Жюрассиенн» против Швейцарии)^[17] и по жалобе № 8440/78 («Ассоциация «Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства)^[18], власти Болгарии утверждали, что, принимая во внимание рамки усмотрения государств, запрет демонстраций в условиях общественной напряженности, если власти могли разумно предвидеть столкновения, оправдан в целях охраны общественного порядка.

75. По их мнению, обжалуемые запреты были соразмерными преследуемым законным целям и не нарушают статью 11 Конвенции.

В. Мнение Европейского Суда

1. Применимость статьи 11 Конвенции

76. Власти Болгарии выразили сомнения относительно мирного характера митингов ассоциации-заявителя и на этих основаниях оспорили применимость статьи 11 Конвенции.

77. Европейский Суд напомнил, что статья 11 Конвенции только защищает право на «мирные собрания». Это понятие – согласно прецедентному праву Европейской Комиссии – не охватывает демонстрации, в которых организаторы и участники имели насильственные намерения^[19].

78. В настоящем деле, внимательно изучив все предоставленные ему материалы, Европейский Суд не установил, что лица, участвовавшие в организации запрещенных митингов, имели насильственные намерения^[20]. Таким образом, статья 11 Конвенции применима.

2. Имело ли место вмешательство

79. Европейский Суд отметил, что в каждом рассматриваемом случае власти запрещали проведение митингов, запланированных обоими заявителями. Действительно, это было практикой, которой неукоснительно следовали с 1992 года^[21]. В июле 1994 года председатель ассоциации-заявителя и другое лицо получили предупреждения полиции держаться подальше от места, где они запланировали памятный митинг.

Один раз, 22 апреля 1995 года, несмотря на запрет, наложенный мэром, сторонникам ассоциации-заявителя разрешили приблизиться к историческому месту, где они намеревались провести свой митинг и смогли возложить венок к могиле Яне Сандански и зажечь свечи. Однако это стало возможным при условии, что участники откажутся от своих плакатов и призывов. На месте не было позволено произнести речи. Участникам разрешили отметить этот праздник лишь в отдалении от памятного места^[22].

Такое отношение властей, позволивших членам ассоциации-заявителя посетить официальную церемонию, проводимую в том же месте и в то же время по случаю того же исторического события, при условии, что они не принесут своих плакатов и не проведут отдельной демонстрации, было повторено в решении мэра от 11 апреля 1997 года и в доводах властей Болгарии, представленных в Европейский Суд^[23].

80. На основании вышеизложенного Европейский Суд счел, что несомненно имело место вмешательство в свободу собрания обоих заявителей по смыслу статьи 11 Конвенции.

3. Было ли вмешательство предусмотрено законом

81. Европейский Суд отметил, что причины, приведенные властями в обоснование запрета митингов, были непостоянными и неточными. В них все время повторялась ссылка на отсутствие регистрации ассоциации-заявителя, факт, который сам по себе согласно применимому законодательству не может служить основанием для запрета проведения митинга. Два раза мэры не приводили причин, и это было лишь частично исправлено районными судами в их решениях по поданным жалобам^[24].

Европейский Суд, однако, считал, что власти ссылались на предполагаемую угрозу общественному порядку, которая согласно национальному законодательству была среди оснований вмешательства в право на мирные собрания. Тот факт, что ассоциации «Илинден» было отказано в регистрации, вероятно, был расценен как применимый при установлении предполагаемой опасности для общественного порядка^[25]. Более того, обжалуемые запреты были наложены решениями компетентных мэров и судов в соответствии с процедурой, установленной Законом о порядке проведения митингов и шествий.

82. В данных обстоятельствах Европейский Суд признал, что вмешательство в свободу собрания заявителей может рассматриваться как «предусмотренное законом».

Поскольку заявители оспорили весомость вывода властей о том, что существовала угроза общественной безопасности, этот вопрос будет рассмотрен в контексте вопроса о том, преследовало ли вмешательство в свободу собрания заявителей законную цель и было ли оно необходимо в демократическом обществе по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

4. Законная цель

83. По мнению властей Болгарии, меры, предпринятые в отношении памятных митингов ассоциации «Илинден», преследовали несколько законных целей: защита национальной безопасности и территориальной целостности, защита прав и свобод других лиц, обеспечение общественного порядка в общинах и предотвращение беспорядков и совершения преступлений.

Заявители не согласились с этим. По их мнению, замаскированной целью обжалуемых запретов был отказ в осуществлении коллективных прав македонского меньшинства.

84. Европейский Суд напомнил, что список исключений из свободы выражения мнения и собраний, содержащийся в статьях 10 и 11 Конвенции, закрытый. Определения этих исключений обязательно ограничительны и должны толковаться в узком смысле^[26].

Принимая во внимание все материалы дела, Европейский Суд признал, что вмешательство было нацелено на обеспечение одного или нескольких интересов, указанных властями Болгарии.

5. «Необходимо в демократическом обществе»

а) Общие принципы прецедентного права Европейского Суда

85. Европейский Суд напомнил, что, несмотря на ее автономную роль и конкретную сферу применения, статья 11 Конвенции должна также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита мнений и свобода их выражения являются одной из целей свободы собраний и объединений, закрепленной в статье 11 Конвенции^[27].

Такая ссылка применима, если – как в настоящем деле – вмешательство властей в свободу собраний или объединений было, хотя бы частично, реакцией на взгляды или утверждения их участников или членов.

86. Свобода выражения мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из основных условий его развития и реализации возможностей каждого. Будучи подлежащей ограничениям пункта 2 статьи 10 Конвенции, она применима не только к «информации» или «идеям», которые благоприятно принимаются или считаются неагрессивными или индифферентными, но и к тому, что представляет собой опасность, шокирует или беспокоит. Таковыми являются требования плюрализма, толерантности и широты мнений, без которых не может существовать «демократическое общество»^[28].

Точно так же свобода собраний, закрепленная в статье 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут раздражать или быть неприемлемыми по отношению к людям, взгляды которых противоположны идеям или требованиям, выдвигаемым при этом^[29].

87. Выражение «необходимо в демократическом обществе» предполагает, что вмешательство соответствует «неотложным социальным нуждам» и, в частности, что оно соразмерно преследуемой законной цели.

Договаривающиеся Государства действуют в некоторых рамках усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость, но это проходит неотрывно от европейского контроля, охватывающего как законодательство, так и решения с их применением, даже вынесенные независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд уполномочен выносить окончательное решение по вопросу о том, было ли «ограничение» совместимо с правами, защищаемыми Конвенцией^[30].

Даже хотя Европейский Суд тщательно рассматривает дела, его задачей является не замена своим мнением мнения соответствующего национального органа власти, но, скорее, пересмотр решений, которые они принимают, в свете статьи 11 Конвенции. Это не означает, что он ограничивает себя установлением того, использовало ли государство-ответчик свое дискреционное право разумно, тщательно и добросовестно; он должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете всего дела и после установления того, что преследовалась «законная цель», определить, было ли вмешательство соразмерным цели и являются ли причины, приведенные национальными властями в качестве его обоснования, «соответствующими и достаточными». При этом Европейский Суд должен быть убежден, что национальные власти соблюли стандарты, соответствующие принципам, закрепленным в статье 11 Конвенции, и, более того, что они были основаны на их решениях по приемлемой оценке соответствующих фактов^[31].

88. Лишь небольшой объем ограничений согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции устанавливается для политических речей или дебатов по вопросам общественной важности^[32].

Одной из основных характеристик демократии является возможность, которую она предлагает, при решении проблем страны путем диалога, без применения насилия, даже если эти проблемы утомительны. Демократия расцветает при свободе выражения мнения. С этой точки зрения нет оправдания для воспрепятствования группе лишь потому, что она стремится к публичным дебатам по ситуации, сложившейся у части населения страны, и пытается найти решения согласно демократическим правилам, способным удовлетворить интересы всех^[33].

89. Жители региона страны имеют право образовывать ассоциации в целях развития особенностей региона. Тот факт, что ассоциация утверждает о существовании национального меньшинства, не может сам по себе оправдывать вмешательство в ее права согласно статье 11 Конвенции^[34].

90. Бесспорно, нельзя делать вывод, что программа организации может преследовать цели и иметь намерения, отличные от заявляемых ею. Чтобы удостовериться, что это не так, содержание программы должно быть сопоставлено с деятельностью организации и позицией, которую она занимает^[35].

Существенным фактором, который нужно принимать во внимание, является вопрос о том, были ли призывы к применению насилия, мятежу или иной форме отрицания демократических принципов^[36].

Если имели место подстрекательства к насилию против отдельных лиц или государственных служащих или части населения, власти пользуются более широкими пределами усмотрения при рассмотрении вопроса о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения^[37].

в) Применение общих принципов в настоящем деле

91. Власти ссылались на тот факт, что ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, поскольку компетентные органы признали ее антиконституционной^[38].

92. Однако Европейский Суд считал, что хотя прошлые выводы компетентных национальных органов, «отсеявших» ассоциацию, несомненно, применимы при рассмотрении вопроса об опасности, которую ее собрания могут представлять, автоматическая ссылка на сам факт, что организация была расценена как антиконституционная – и ей было отказано в регистрации, – не может быть достаточным для оправдания практики систематических запретов проведения ею мирных собраний согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции.

Поэтому Европейский Суд должен тщательно рассмотреть конкретные основания, призванные оправдать вмешательство, и значимость такого вмешательства.

и) Основания, призванные оправдать вмешательство

а) Предполагаемое владение оружием

93. Власти Болгарии представили фотокопию машинописной листовки, оповещающей о создании вооруженных групп^[39]. Однако не было установлено, что она исходила от ассоциации-заявителя. Власти Болгарии не представили каких-либо подробностей. Они также не объяснили отношение к делу газетной статьи, представленной ими^[40], в которой сообщалось, что некое лицо подозревалось в совершении ряда преступлений, некоторые из которых, вероятно, касались частных деловых конфликтов.

По мнению Европейского Суда, это свидетельствует о том, что если бы имели место приготовления к вооруженным акциям, власти Болгарии могли бы представить более убедительные доказательства в связи с этим.

б) Предполагаемая угроза общественной безопасности

94. Власти Болгарии утверждали, что в прошлом имели место инциденты, когда ассоциация-заявитель проводила митинги, и что существовала большая вероятность возможности их повторения.

Однако нет никаких доказательств серьезных беспокойств, причиненных заявителями. Инциденты, на которые ссылались власти Болгарии, были незначительными, и виновные в них лица не привлекались к ответственности^[41]. Решения мэров и местных судов относились только к гипотетической опасности для общественного порядка без указания подробностей.

Таким образом, вероятность незначительных инцидентов не может служить обоснованием запрета на проведение митингов ассоциацией «Илинден».

с) Предполагаемая опасность, исходящая из целей и заявлений ассоциации «Илинден»

Сепаратистские идеи

95. Власти Болгарии указали, что ассоциация-заявитель подвергает опасности территориальную целостность Болгарии и желает отделения части от страны.

Заявители утверждали, что единственной целью их митингов было празднование исторических событий и что они не преследовали сепаратистских целей.

96. На основании всех доказательств Европейский Суд установил: в соответствующее время власти небезосновательно полагали, что некоторые лидеры ассоциации-заявителя – или небольшие группы, являющиеся ее частью, – имели сепаратистские взгляды и политические цели, которые включали идеи об автономии региона Пиринская Македония и даже о его отделении от Болгарии. Это исходит из многочисленных заявлений, сделанных данными лидерами^[42]. Европейский Суд также принял во внимание выводы Верховного суда Болгарии от 1990 и 1991 годов и вывод Конституционного суда Болгарии, сделанный в его постановлении от 29 февраля 2000 года^[43].

Следовательно, власти могли предвидеть, что некоторыми участниками в ходе памятных церемоний будут распространяться сепаратистские призывы.

97. Европейский Суд, однако, напомнил, что тот факт, что группа лиц призывает к автономии или даже предлагает отделение части территории страны – таким образом, требуя фундаментальных конституционных и территориальных изменений, – не может автоматически оправдывать запрет на ее собрания. Требование территориальных изменений в речах и на демонстрациях автоматически не является угрозой территориальной целостности страны и национальной безопасности.

Свобода собраний и право выражать свое мнение на них являются одними из высших ценностей демократического общества. Сущность демократии лежит в ее способности разрешать проблемы путем открытых обсуждений. Скорые меры превентивного характера по подавлению свободы собраний и выражения мнения в случаях, не касающихся подстрекательства к совершению насилия или отказа от демократических принципов – какими бы шокирующими или неприемлемыми определенными взгляды или используемые слова ни казались властям и какими бы незаконными могли быть требования – делают плохую услугу демократии и часто ставят ее под угрозу.

В демократическом обществе, основанном на верховенстве закона, политическим идеям, оспаривающим существующий порядок, реализация которых проводится мирными средствами, должна быть предоставлена надлежащая возможность их выражения путем осуществления права на собрания, равно как и иными законными способами.

98. Таким образом, Европейский Суд признал, что вероятность того, что в ходе митингов, организуемых ассоциацией «Илинден», могут быть сделаны сепаратистские заявления, не может оправдывать запрет на проведение этих митингов.

Предполагаемая пропаганда насилия и отрицание демократических принципов

99. Власти Болгарии ссылались на заявления, которые могут быть истолкованы как призыв к болгарам оставить Пиринскую область македонцам^[44], и полагали, что даже если

сепаратистские цели ассоциации «Илинден» таким образом не преследовались ею открытым насильственным способом, тем не менее, имеется ряд свидетельств тому, что они проявятся.

Заявители отвергли эти утверждения как необоснованные и указали на мирный характер их митингов.

100. Несомненно, стремление выселения других лиц с конкретной территории ввиду этнического происхождения является полным отрицанием демократии.

Однако стоит отметить, что Верховный суд Болгарии, отказывая в регистрации ассоциации-заявителю в 1990 и 1991 годах, и Конституционный суд Болгарии в своем постановлении от 29 февраля 2000 года^[45] не указывали, что цели и деятельность ассоциации «Илинден» включают в себя призывы к насилию или отказ от демократической власти. Более того, против членов ассоциации «Илинден» или участников ее митингов никогда не возбуждались уголовные дела^[46].

101. Большинство заявлений и утверждений ассоциации «Илинден» указывали на их доверие общественным дискуссиям и политической борьбе при достижении их целей и прямо отрицали насилие^[47]. Эти заявления, которые могли быть истолкованы как призывающие к насилию или к отрицанию демократии, кажутся изолированными от всех материалов дела. Более того, поскольку различные лица и группы, связанные с ассоциацией «Илинден», расходились в своих взглядах, не все приведенные материалы прямо отражают идеи и цели, доминирующие в программе деятельности ассоциации-заявителя.

102. В своем Постановлении по делу «Инчал против Турции» Европейский Суд определил, что один лишь факт того, что обращение, зачитанное на памятной церемонии группе лиц – это уже значительно ограничивает ее потенциальное влияние на национальные интересы, общественный порядок или территориальную целостность, – содержащее слова, такие, как «сопротивление», «борьба» и «освобождение», не обязательно означает, что оно представляет собой призыв к насилию, вооруженному сопротивлению или мятежу^[48].

В настоящем деле Европейский Суд принял во внимание тот факт, что митинги ассоциации-заявителя, вероятно, стали бы основой для пропаганды насилия и отказа от демократии и несли бы потенциальную угрозу, которая обосновывает их запрет.

103. По мнению Европейского Суда, ничто не свидетельствует о том, что митинги, проводимые ассоциацией-заявителем, стали бы основой пропаганды насилия и отказа от демократии и обладали бы разрушительным воздействием, что могло бы привести к запрещению ассоциации-заявителя. Любые отдельные инциденты могут адекватно быть разобраны в ходе следствия, проводимого ответственными за это лицами.

«Обращение» болгарского населения в македонское

104. Власти Болгарии утверждали, что ассоциация-заявитель желала «обратить население региона в македонский народ» с целью достижения ее окончательной цели – отделения от Болгарии.

Заявители утверждали, что «Илинден» является ассоциацией македонцев в Болгарии.

105. Европейский Суд не принял довод о том, что было необходимо ограничить права заявителей на демонстрации в целях защиты лиц, которых, предположительно, пытались «обратить» в другую национальность. Не было показано, что незаконные способы «обращения», нарушающие права других, вероятно, были бы использованы или используются заявителями.

Заявления, воспринимаемые как угроза общественному мнению

106. Представляется, что митинги ассоциации «Илинден» вызывают напряженность, принимая во внимание особую чувствительность общественного мнения по отношению к их идеям, которые воспринимаются как агрессивный подход к национальным символам и святым ценностям^[49].

В частности, заявители желали отметить исторические события, которым они придавали иное значение, чем общепринятое в стране. Они считали македонскими мучениками исторических личностей, которые обычно и официально отмечались в стране как болгарские национальные герои, и, таким образом, желали организовать свои митинги в то же время и в тех же местах, где проводятся официальные традиционные церемонии.

107. Однако если любая вероятность напряжения и разгоряченного обмена мнениями между противостоящими группами в ходе демонстрации будет являться основанием для ее запрета, общество столкнется с тем, что оно будет лишено возможности услышать иные взгляды по любому вопросу, который посвящает на восприимчивость мнения большинства.

Тот факт, что данный вопрос касался национальных символов и национальной принадлежности, не может сам по себе рассматриваться – вопреки мнению властей Болгарии – как возможность использования более широких пределов усмотрения властями. Национальные власти должны проявить особую бдительность при обеспечении того, что национальное общественное мнение не защищено за счет утверждения взглядов меньшинства, независимо от того, насколько непопулярными они являются.

ii) Значимость вмешательства

108. Власти Болгарии утверждали, что был достигнут справедливый баланс путем проявленной относительной гибкости – когда сторонникам ассоциации «Илинден» было позволено приблизиться к историческим местам при условии, что они не будут выставлять свои плакаты и произносить речи – и что заявители могли выбрать другие места для проведения их митингов.

109. Европейский Суд считал, что лишение заявителей права на выражение их идей посредством произнесения речей или лозунгов на митингах не может обоснованно расцениваться как свидетельство гибкости. Действительно, власти приняли практику наложения всеобщего запрета на проведение митингов ассоциацией «Илинден»^[50].

Более того, было ясно, что время и место церемоний имели главнейшее значение для заявителей, равно как и для лиц, посетивших официальные церемонии. Несмотря на пределы усмотрения, которыми пользуется государство в таких вопросах, Европейский Суд не убежден, что не было возможности обеспечить мирное проведение обеих церемоний либо одновременно, либо сразу одна за другой.

iii) Выводы Европейского Суда

110. Как указали власти Болгарии, у ассоциации-заявители было лишь около 3000 сторонников, и не все из них активно участвовали в ее деятельности.

Тем не менее, власти прибегали к мерам, предназначенным для предотвращения распространения взглядов заявителей на демонстрации, которую последние желали провести.

111. Такой подход при обстоятельствах данного дела, когда не существовало предсказуемой опасности насильственных действий, призыва к насилию или иных форм отказа от демократических принципов, по мнению Европейского Суда, не оправдан пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

112. В целом Европейский Суд признал, что власти преступили свои пределы усмотрения и что меры по запрету заявителям проведения памятных митингов не были необходимыми в демократическом обществе по смыслу статьи 11 Конвенции.

Таким образом, имело место нарушение данного положения.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

113. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь

частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Требования заявителей

114. После вынесения Решения Европейской Комиссии от 29 июня 1998 года, объявившей жалобы частично приемлемыми, заявителям было предложено Европейской Комиссией представить свои требования согласно бывшей статье 50 Конвенции. Целью такого предложения было желание ускорить разбирательство в Комитете Министров Совета Европы в соответствии с бывшей статьей 32 Конвенции на случай, если бы жалоба попала на рассмотрение в соответствии с этой процедурой и нарушение Конвенции было бы установлено.

Письмом от 25 августа 1998 года Станков и Иванов ответили, указав, что заявители понесли тяжелый материальный ущерб и моральный вред и что они оставляют определение размера компенсации на усмотрение Конвенционных органов. Материальный ущерб состоял, *inter alia*, из штрафа, наложенного на лиц, которые приехали на своих автомобилях на место проведения митингов, ущерб, предположительно причиненный полицией одному автомобилю в 1993 году, и некоторые расходы. Заявители пояснили, что они не имели возможности представить письменные доказательства, поскольку было тяжело сохранить финансовую документацию в условиях, в которых функционировала их ассоциация.

В отношении морального вреда заявители потребовали компенсацию, *inter alia*, за страдания, причиненные в результате действий властей, которые, предположительно, желали уничтожить ассоциацию «Илинден».

115. В своем меморандуме, представленном в Европейский Суд, который был составлен без правовой помощи, заявители не потребовали справедливой компенсации. Они это сделали на слушаниях 17 октября 2000 года, приведя письменные подробные требования сразу после этого.

116. В Европейском Суде заявители не потребовали компенсации материального ущерба или морального вреда. Они заявили о возмещении своих расходов, потребовав 10 000 немецких марок в отношении внутренних разбирательств (поездки в местные суды, секретарская и юридическая работы), 15 000 немецких марок в отношении разбирательства в Страсбурге (включая 8127 французских франков за переезд Иванова и текущие расходы в ходе слушаний в Страсбурге, 5000 французских франков за расходы на переводы и 2000 французских франков за прочие расходы), а также дополнительно 35 000 французских франков в качестве гонораров их адвокатам.

Заявители представили копию их соглашения с Хинкером о гонораре и копии счета-фактуры за проживание Иванова в гостинице и за авиабилет. Они утверждали, что не могут предъявить доказательств остальных расходов, поскольку у них не было законных представителей при внутринациональных разбирательствах и при рассмотрении дела в Европейской Комиссии, и они платили все расходы за счет ассоциации.

В. Доводы властей Болгарии

117. В отношении заявлений заявителей, сделанных в августе 1998 года, 2 декабря 1998 года власти Болгарии прокомментировали их, указав, что если Комитет Министров будет рассматривать заявления, он их отклонит как неподтвержденные и не относящиеся к существу дела.

Ответ властей Болгарии на требования заявителей, данный в октябре 2000 года, был представлен на слушаниях, а 29 декабря 2000 года в письменном виде. Они утверждали, что эти требования были предъявлены по истечении отведенного для этого срока в соответствии с пунктами 1 и 3 Правилу 60 Регламента и не подкреплены достаточными письменными доказательствами.

118. Требование о возмещении расходов в ходе разбирательств на внутринациональном уровне – продолжали власти Болгарии – является несоразмерным и представляет собой

злоупотребление. Заявители лишь каждый раз представляли по одной странице стандартных требований и жалоб, вероятно, составленных без правовой помощи. Не были указаны сборы на рассмотрение дел в судах, а также иные понесенные расходы.

Требование о возмещении 15 000 немецких марок в отношении разбирательства в Страсбурге не было конкретизировано. Утверждение, что представляются трудности при предъявлении письменных доказательств, является необоснованным.

По Мнению властей Болгарии, гонорары в размере 35 000 французских франков являются явно чрезмерными, поскольку они не соответствуют объему действительно проделанной адвокатами заявителя юридической работы и поскольку экономические условия в государстве-ответчике также должны приниматься во внимание. Требование адвоката эквивалентно 146 минимальным размерам ежемесячной оплаты труда в Болгарии и примерно 6 минимальным размерам ежемесячной оплаты труда во Франции.

Власти Болгарии пришли к выводу, что возмещение затрат, включающих переезд Иванова и текущие расходы в ходе слушаний дела в Европейском Суде (8127 французских франков), а также 5000 французских франков в возмещение гонорара адвоката Хинкера были бы приемлемыми, если Европейский Суд примет решение присудить справедливую компенсацию.

С. Мнение Европейского Суда

119. Пункт 1 правила 60 Регламента Суда в применимых частях устанавливает следующее:

«Любое требование о выплате справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, которое заявитель... [может] пожелать заявить, излагается в письменных замечаниях по существу дела, если только Председатель Палаты не сделает распоряжение об ином, или – если таковые письменные замечания не поданы – в специальном документе, представленном не позднее двух месяцев после вынесения решения о приемлемости жалобы».

120. Европейский Суд отметил, что 25 августа 1998 года заявители представили их общее требование о справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, а также расходов, хотя это было сделано в рамках процедуры, установленной бывшей статьей 32 Конвенции. Таким образом, требование не было отозвано.

Верно, что на слушаниях адвокат заявителей потребовал лишь возмещения расходов. Однако Европейский Суд не может толковать его требования как отзыв требований, поданных непосредственно заявителями без участия адвоката Хинкера, при отсутствии прямого указания об этом.

Касательно возражений властей Болгарии по пункту 1 правила 60 Регламента Суда Европейский Суд считал, что меморандум заявителей был составлен без юридической помощи и что требования, предъявленные в первый раз на слушаниях, касаются только их расходов. Ясно, что некоторые расходы и издержки, в частности, относящиеся к слушанию по делу, не могут быть определены заранее.

Наконец, властям Болгарии была дана возможность подробно прокомментировать все требования заявителей, что они и сделали в декабре 1998 года и в декабре 2000 года.

В данных обстоятельствах Европейский Суд счел, что требование о возмещении материального ущерба и морального вреда было надлежащим образом подано и должно быть рассмотрено.

121. Европейский Суд признал, что заявителям причинен моральный вред как следствие нарушения их права на свободу собраний. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил в связи с этим ассоциации-заявителю и Станкову общую сумму в размере 40 000 французских франков, которая должна быть выплачена совместно Станкову и представителю ассоциации «Илинден» Иванову.

Требование о возмещении материального ущерба является неподтвержденным и должно быть отклонено.

122. Касательно расходов, понесенных при разбирательстве в национальных судах, Европейский Суд согласился с властями Болгарии, что у заявителей не было законных представителей на этом уровне и что они не упоминали о каких-либо уплаченных гонорарах.

Однако заявители должны были понести определенные расходы при осуществлении перевода корреспонденции и доводов в ходе разбирательства в Страсбурге. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил им 3000 французских франков в связи с этим.

123. К тому же, сумма компенсации, заявленная в отношении присутствия Иванова в Европейском Суде (8127 французских франков), должна быть выплачена в полном объеме.

Касательно гонораров адвоката Европейский Суд, отметив, что адвокат Хинкер приступил к исполнению своих обязанностей только на последней стадии разбирательства, исходя из принципа справедливости, присудил 25 000 французских франков.

124. Согласно информации, полученной Европейским Судом, годовая процентная ставка, применяемая во Франции на день принятия настоящего постановления, составляет 4,26%.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

- 1) Единогласно *отклонил* предварительные возражения властей Болгарии;
- 2) *Постановил* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
- 3) *Постановил* шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить Станкову и Иванову в течение трех месяцев со дня, когда постановление станет окончательным согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, 40 000 (сорок тысяч) французских франков в качестве компенсации морального вреда;
- 4) Единогласно *постановил*, что государство-ответчик должно выплатить Станкову и Иванову в течение трех месяцев со дня, когда постановление станет окончательным согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, 36 127 (тридцать шесть тысяч сто двадцать семь) французских франков в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также налог на добавленную стоимость, который может быть установлен;
- 5) Единогласно *постановил*, что проценты по годовой ставке 4,26% подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;
- 6) Единогласно *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 2 октября 2001 года.

М. О'Бойл, Секретарь Секции Суда

Э. Пальм, Председатель Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи С. Ботучаровой.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ судьи С. Ботучаровой

Я голосовала против установления нарушения статьи 11 Конвенции в настоящем деле.

Мой анализ начинается с тех же общих принципов, что и мнение большинства судей: п. 85–90 Постановления, которые указывают на сущность прецедентного права Европейского Суда относительно свободы собраний и выражения мнения и, в частности, критериев, на основе которых вмешательство в эти свободы в делах, схожих с настоящим,

может считаться оправданным. Я полностью согласна с кратким изложением этих критериев.

По моему мнению, однако, их применение к фактам настоящего дела – дела, находящегося на грани их применения, – может привести к различным выводам, если надлежащий вес придать тому факту, что демонстрации заявителей представляли собой опасность для общественного порядка в местной общине. Власти, ограничивая право заявителей на проведение памятных митингов, постоянно ссылались на наличие опасности столкновений между сторонниками ассоциации «Илинден» и участниками официальных церемоний, которые проводились в том же месте и в то же время. Опасения были основаны на прошлом опыте: ранее в ходе мероприятий, организованных ассоциацией «Илинден», происходил целый ряд инцидентов, и ее отношение было охарактеризовано как «провокационное»^[51]. Последний элемент имеет наибольшее значение, поскольку он означает, что власти были убеждены, что сторонники ассоциации «Илинден» могут спровоцировать беспорядки и столкновения. Однако рассматриваемым вопросом является свобода мирных собраний.

Защита прав других, общественная безопасность и предотвращение беспорядков являются законными целями, которые могут оправдать в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции вмешательство в свободу мирных собраний, при условии, что такое вмешательство будет соразмерным преследуемой цели.

Власти Болгарии, вероятно, осознавали требование не ограничивать свободы ассоциации «Илинден» сверх необходимого. Обжалуемые запреты касались лишь определенных дней и мест. В некоторые дни, когда были запланированы демонстрации, власти не препятствовали сторонникам ассоциации «Илинден» посещать исторические места, но требовали от них, чтобы они отказались от провокационных лозунгов.

Европейский Суд установил в своем прецедентном праве, что «по причине их прямого и постоянного контакта с жизненно важными силами их страны власти в целом находятся в более выгодном положении, чем судьи международных судов, чтобы высказать мнение об определенном содержании... [необходимости вмешательства]... Европейский Суд, который... несет ответственность за обеспечение исполнения этих обязательств государств, правомочен выносить окончательное решение по вопросу о том, [было ли вмешательство оправданным]... Соответственно, пункт 2 статьи 10 Конвенции (равно как и пункт 2 статьи 11 Конвенции) оставляет Договаривающимся Государствам пределы усмотрения... Внутренние пределы усмотрения... идут нога в ногу с европейским надзором»^[52].

Принимая во внимание внутренние пределы усмотрения, Конвенционные органы во многих делах признавали, что ограничение на проведение демонстраций было обосновано причинами общественной безопасности. В качестве нескольких примеров следующие запреты собраний были расценены как соответствующие пункту 2 статьи 11 Конвенции: двухмесячный запрет на публичные процессии, кроме как обычных, в г. Лондон (*London*)^[53]; общий запрет на проведение демонстраций на Трафальгарской площади (*Trafalgar Square*) в Лондоне по поводам, касающимся Северной Ирландии^[54]; четырехдневный запрет собраний в радиусе четырех миль вокруг Стоунхенджского памятника (*Stonehenge Monument*) ввиду предыдущих инцидентов и беспорядков, совершенных сторонниками друидов^[55].

По моему мнению, власти Болгарии в обстоятельствах настоящего дела не перешагнули свои пределы усмотрения и ограничили свободу заявителей на мирные собрания строго в степени, необходимой для защиты прав других лиц, общественной безопасности и предотвращения беспорядков.

Поскольку я не признала нарушения статьи 11 Конвенции, я также голосовала против присуждения компенсации морального вреда заявителям.

- [1] Перевод с английского М. Виноградова.
- [2] См. приложение к частичному решению Европейской Комиссии о приемлемости жалобы от 21 октября 1996 г. и окончательное решение Европейской Комиссии о приемлемости жалобы от 29 июня 1998 г.
- [3] См. ниже п. 7.
- [4] См. выше п. 16.
- [5] См. выше п. 17.
- [6] См. выше п. 16.
- [7] Здесь и далее текст Конституции Республики Болгария приводится по переводу, опубликованному в кн.: Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 1. М, 2001. С. 394-422.
- [8] См. выше п. 11 — 13.
- [9] См. постановление Европейского Суда по делу «Беликова против Болгарии» (*Velikova v. Bulgaria*), жалоба № 41488/98, *ECHR 1999-V*, п. 57, и постановление Европейского Суда по делу «Базич против Австрии» (*Basic v. Austria*), жалоба № 29800/96, п. 34.
- [10] См. п. 88 пояснительного отчета к протоколу № 11 к Конвенции и правило 55 Регламента.
- [11] См. выше п. 2.
- [12] См. выше п. 42 — 46.
- [13] См. выше п. 12 и 13.
- [14] См. выше п. 39 — 41.
- [15] См. выше п. 49.
- [16] См. выше п. 47.
- [17] *Rassemblement Jurassien & Unite Jurassienne v. Switzerland*, DR 17, p. 93.
- [18] *Christians against Racism and Fascism v. United Kingdom*, DR 21, p. 138.
- [19] См. решение Европейской Комиссии по жалобе № 13079/87 от 6 марта 1989 г., DR 60, p. 256, решение Европейской Комиссии по жалобе № 8440/78 от 16 июля 1980 г., DR 21, p. 138.
- [20] См. выше п. 10,12,13,16,17, 20,22, 28, 31-46.
- [21] См. выше п. 17 и 74.
- [22] См. выше п. 22.
- [23] См. выше п. 24 и 66.
- [24] См. выше п. 19, 21, 23, 24, 29 и 30.
- [25] См. выше п. 19 и 30 *in fine*.
- [26] См. постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции» (*Sidiropoulos and Others v. Greece*) от 10 июля 1998 г., *Reports 1998-IV*, п. 37-39
- [27] См. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свободная демократическая партия Турции «OZDEP» против Турции» (*Freedom and Democracy Party (OZDEP) v. Turkey*), жалоба № 23885/94, п. 37.
- [28] См. постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд постановление Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 г., *Series A*, № 24, p. 23, п. 49, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гергер против Турции» (*Gerger v. Turkey*) от 8 июля 1999 г., жалоба № 24919/94, п.46.
- [29] См. постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация "Эрцте фюр дас Лебен" против Австрии» (*Arzte fur das Leben v. Austria*) от 21 июня 1988 г., *Series A*, № 139, п. 32.
- [30] См. постановление Европейского Суда по делу «Гергер против Турции», *loc. cit.*, п. 46.
- [31] См. постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*) от 30 января 1998 г., *Reports 1998-1*, п.47.
- [32] См., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда по делу «Уингроув против Соединенного Королевства» (*Wingrove v. United Kingdom*) от 25 ноября 1996 г., *Reports 1996-V*, п. 58.
- [33] См. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции», *loc. cit.*, п. 57.

- [34] См. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции», *loc. cit.*, п. 44.
- [35] См. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции», *loc. cit.*, п. 58.
- [36] См. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Свободная демократическая партия Турции «OZDEP» против Турции», *loc. cit.*, п. 40.
- [37] См. постановление Европейского Суда по делу «Инчал против Турции» (*Incal v. Turkey*) от 9 июня 1998 г., *Reports 1998-IV*, п. 1567, п. 48, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шюрек против Турции (№ 1)» (*Surek v. Turkey* (№ 1)), жалоба № 26682/95, *ECCHR 1999-IV*, п. 61.
- [38] См. выше п. 11 — 13.
- [39] См. выше п. 44.
- [40] См. выше п. 43.
- [41] См. выше п. 17, 18 и 46.
- [42] См. выше п. 16, 33 — 35.
- [43] См. выше п. 12, 13 и 39 — 41.
- [44] См. выше п. 16, 17 и 33.
- [45] См. выше п. 12, 13 и 39 — 41.
- [46] См. выше п. 46.
- [47] См. выше п. 10, 16, 37 и 38.
- [48] *Foe. at.*, п. 50.
- [49] См. выше п. 13, 17, 18 *in fine*, 24 и 47.
- [50] См. выше п. 17 и 74.
- [51] См. п. 17 постановления.
- [52] Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 г., *Series A*, № 24, pp. 22-23.
- [53] См. решение Европейской Комиссии по жалобе № 8440/78 от 16 июля 1980 г., DR21, п. 138.
- [54] См. решение Европейской Комиссии от 6 апреля 1995 г. по жалобе № 25522/94, DR 81-A, п. 146.
- [55] См. решение Европейской Комиссии по жалобе № 31416/96 от 19 октября 1998 г.